

□ Похороны либерализма Федерико Феллини

□ Речь пойдет о фильме Федерико Феллини – “Репетиция оркестра”, в котором он является не только главным режиссером, но и автором сценария. Поэтому ленту можно считать мировоззренческим произведением Феллини.

Тем, кто не видел, настоятельно рекомендую посмотреть, фильм того стоит.

Далее по тексту статьи фразы, выделенные курсивом, – прямое цитирование монологов героев фильма.

Эта работа – не простой пересказ эпизодов фильма, а их ситуативный и философский анализ.

Церковь

Оркестр репетирует внутри храма, в котором уже давно перестали отправлять церковную службу. С тех времен это место, где рождается гармония – музыка. Переписчик нот, который с трепетом готовит зал к репетиции, пребывает в ощущении, что в последнее время что-то неуловимо не в лучшую сторону изменилось: «Самые великие дирижеры мечтали попасть за пульт, министры, послы священники приносили партитуры, слушали, как исполняют музыку. Сейчас наступили совсем другие времена, совсем другой воздух, публика не та». Другая аура.

Импресарио

Когда в кадре появляется импресарио – человек с толстым, самодовольным, властным, не знающим сомнений лицом, становится очевидным, кто теперь распоряжается в храме. Мимоходом обозначен круг его интересов – то, ради чего он живет: деньги, кутежи, девочки. Музыканты для импресарио – товар и источник заработка, а он собственник товара. Его место в сложившейся иерархии окончательно проясняет произнесенная им в телефонном разговоре фраза: «Все музыканты – это я, будешь знать, как договариваться с ними за моей спиной». Что поделаешь, музыканты, которые считают себя свободными, на самом деле потеряли свой внутренний суверенитет, они рабы импресарио.

Чтобы осуществить эту метаморфозу, надо было оторвать музыкантов от кропотливого труда по созданию музыкальной гармонии и сделать главной целью их жизни зарабатывание денег, т.е. внедрить и поддерживать в их сознании иную, чем прежде, ценностную шкалу.

Профсоюзный лидер

Над этим последовательно работает мелкая шестерка на службе у импресарио, посредник-иуда, по совместительству профсоюзный лидер, который складно объясняет, что оркестр, музыка, гармония теперь вторичны, самыми важными и главными в системе мироздания являются сами музыканты, и жить они должны только для себя. Но жизнь только для себя любимого требует больших денег.

Выдержка из его интервью: «Я профсоюзный работник и я защищаю интересы музыкантов; нам удалось избавить музыканта от роли слуги и сдельщика, вернуть ему человеческое достоинство; он больше не кукла в руках дирижера и импресарио, а член коллектива, осознающий свою культурную миссию». Обычная либеральная программа: музыканты первичны, оркестр вторичен, смысловой императив послания – приоритет индивидуальных интересов над общими идеями и целями, в этом вся миссия. Вроде бы все делается с благими намерениями, но какими окажутся последствия!

Дальше типичная демагогия строителя нового справедливого мира: «Как мы осуществили подобный проект, казалось бы, обреченный на неудачу?»; оберегая высокий профессиональный престиж музыканта, посредством серии требований от равной для всех платы до полной реорганизации всего оркестра и пересмотра кадров».

Профсоюзный лидер – обобщающий образ того бессознательного соблазняющего инструмента, которым дьявол разрушает оркестр.

Кто дьявол

Деньги. Импресарио тоже всего лишь слуга дьявола, но искренний и самозабвенный, который сам отдал ему свою душу.

Оркестранты

Инструменты в оркестре разные, у каждого свой характер. Подавляющее большинство оркестрантов говорит о своем инструменте с искренней любовью, считая его особенным, самым важным, от которого зависит вся создаваемая ими вместе гармония. Но есть и те, кто ненавидит свой инструмент и свое место в оркестре.

В отношениях между инструментами существуют симпатии и антипатии, образуются свои элиты.

Все инструменты разные.

Скрипка, например, соблазняет и овладевает, первой замечает, если слабый дирижер, и тогда сама ведет за собой оркестр.

Есть инструменты, с которыми легко и празднично.

Или ударные – то место, куда приходят молодые юноши, там шумно и весело.

К сожалению, теперь многие музыканты родом из глухой провинции – люди невысокой внутренней культуры.

Дирижер

Казалось бы, малозначительная деталь – появление дирижера за пультом поначалу прошло незамеченным. Никто не ожидал его, затаив дыхание. Когда же, наконец, он обратил на себя внимание, выплеснулась вся гамма противоречивых эмоций оркестрантов: только для пожилого поколения он остался «господином дирижером», для остальных – «таракан сушеный».

Репетиция

После начала репетиции становится понятной цель, которую преследует дирижер – вдохнуть в оркестр гармонию, заставить группы инструментов и каждый инструмент в отдельности слышать весь оркестр, сделать так, чтобы инструменты играли не сами по себе, а вместе шли к общему результату.

Также в ходе репетиции проявляется и отношение к ней музыкантов: они вроде бы по инерции стараются, но у многих головы заняты совсем другим – журналом с девочками, футбольным матчем по транзистору, обсуждением доходов. Для большинства из них движение к общей гармонии уже не является целью, они отбывают номер. Оркестр еще способен создавать подобие музыкальной гармонии, но чуткое ухо дирижера уже улавливает провалы в игре.

Внутренние установки дирижера диссонируют с внутренним состоянием оркестрантов. Возникает естественный и неизбежный рабочий конфликт, заканчивающийся апелляцией музыкантов к профсоюзам, на которую следует жесткая отповедь дирижера: «Я бы на Вашем месте думал чуть меньше о профсоюзах и чуть больше о музыка (здесь и далее немецкий акцент). Я настаиваю: если бы Вагнер знал профсоюзы и забастовки, он никогда бы не написал все свои опера».

Профсоюзный лидер исполняет свой ритуал защитника тружеников от «тирании» дирижера, вынуждая его вступить в безнадежную схватку с новой властью за право управлять оркестром, за души музыкантов, которая заканчивается обращенной в его адрес пренебрежительной фразой: «Занимайтесь своим делом, машите палочкой». Схватка проиграна, новая роль и статус дирижера окончательно определены, а его прежнее место вождя занял дьявол в обличье импресарио и профсоюзного лидера.

Мимходом из уст музыканта срывается вроде бы малозначительное замечание: «Такие дирижеры никому не нужны, достаточно обычного метронома».

Как было раньше

Об этом во время перерыва рассказывают переписчик нот:

«Раньше слушались, теперь выдрючиваются. Если кто-то сфальшивил, то сам вставал и доигрывал стоя. Что? Смены, часы работы? Всю ночь репетировали... А утром мертвецки усталые музыканты аплодировали дирижеру, благодарили. А он в трансе вел за собой оркестр. А когда ругал за фальшивую ноту, такие слова находил, прямо кожу сдирает. Потом месяцами в себя приходили. Хотите правду? Оркестранты были счастливы получать наказания. Сами бежали к нему, протягивали руки: я сфальшивил, меня, меня тоже ударьте палочкой! Другие времена».

Мир глазами дирижера

По мнению дирижера без музыки мир бессмыслен: «Скажем так: музыка – это весь мир».

В текущей действительности все иначе: «Теперь не прощают ничего, ты должен быть оптимист, всегда умный». Главное держать улыбку и быть успешным.

Следующие слова дирижера о своем ремесле звучат, как симфония:

«Когда я дирижирую, то чувствую себя королем... Я чувствую себя сержантом, который должен пихать всех под зад, но сейчас дурацкие законы запрещают быть сержантом...»

Экзальтация жизненно необходима художник для того напряжения, которое тащит всех и выражает темы симфоний...

Огромная тишина передо мной. Делаю знак начинать и вижу с большим волнением, что к моей палочке привязан весь оркестр: его голос родится из моей руки, выходит из тишины и возвращается в нее...». Как излагает...

И диссонансом воодушевлению:

«Теперь мы все равны. Я должен быть похож на первый скрипка, а у него пальцы, как у мясника. Что делать? Я изливаю ярость и покупаю дома...» Даже для дирижера стяжательство становится единственной компенсацией духовных разрушений и бессмысленности, захватывающей их жизнь.

«Руководитель, дирижер оркестра. Эти слова больше не имеют смысла. Дирижеры, как священники: у каждого своя церковь, свои прихожане. Но церковь разваливается, а верующие становятся атеисты».

Дирижер вспоминает своего учителя Каплински и ту прежнюю, полную смысла и настоящих эмоций жизнь:

«Он был сама музыка. Мы шли за ним счастливые, мы трепетали, готовые совершить чудо, превратить вино в кровь и хлеб в плоть. Смеетесь надо мной? Надеюсь, нет.

Музыка священна. Каждый концерт – месса. Мы сидели заигнотизированные, забыв ежедневные заботы. Только ждали первое движение его палочки, слившись воедино с наши инструменты, объединенные одним желанием. И он давал знак.

Ничего не было прекрасней его власти. Мы дрожали от мысли, что какая-нибудь ошибка может погубить весь обряд. Все испытывали волнение и бесконечное счастье. А наша радость передавалась в публику, которая замирала без движения, без дыхания. Нам не надо было смотреть на дирижера, он был внутри нас. Между нами была такая большая любовь, которой сегодня, как Вы видели, совсем нет. Я и мои оркестранты испытываем только недоверие друг к другу. Мы противники. Добавьте отсутствие уважений, презрение, обиду и злобу из-за чего-то, что потеряно навсегда и не будет найдено. Так мы играем вместе, но объединяет нас лишь общий ненависть, как в развалившийся семья».

Попытка установить формальное равенство там, где его не может быть в принципе, уравнивать музыканта с дирижером, разрушает гармонию человеческих отношений и рождает бессмысленную и беспощадную взаимную ненависть.

Неожиданно гаснет свет – первый звонок о том, что начинает разваливаться храм, который служит домом и дирижеру, и музыкантам.

Больше нечего добавить о божественном источнике и божественном предназначении власти, и, одновременно, о ее сержантской сути, воспринимаемой в здоровом обществе естественно, поскольку она дает невероятное счастье от того, что есть возможность быть не просто атомом, а частицей чего-то неизмеримо большего, гармоничного целого, которое берется ниоткуда, исчезает в никуда, и существует до тех пор, пока есть дирижеры и те, кто готов безоглядно следовать за ними.

Вакханалия

В это время в главном зале храма, уже расписанном лозунгами, идет вакханалия:

«Дирижеры, дирижеры нам больше не нужны, кто придет того с позором мы к черту гнать должны!»

Музыка – общественное достояние, ею должны пользоваться все, без классовых различий. Пока нас только эксплуатируют и дурачат!»

Новый плебс. Но, к сожалению, слышны только его голоса.

Старые музыканты в ужасе и отчаянии обращаются к появившемуся дирижеру, который не в состоянии остановить разгул: «Маэстро, как же все это случилось?»

Стены храма периодически сотрясаются от ударов чудовищной силы. Некоторые на секунду в испуге останавливаются, но тут же продолжают дальше. Нет времени и желания задуматься о том, что начал разрушаться их общий дом. Не до пустяков.

Новая власть, робко обозначив попытку остановить вакханалию, самоустраняется: они рвались вверх не для того, чтобы жертвовать собой, поэтому обязанными чем-то себя не считают. Профсоюзный лидер в адрес импресарио: «Продажная тварь». В ответ: «Заткнись бывший лабух». В этой перепалке сущность новой власти жлобов и лабухов.

Вакханалия нарастает:

«Долой власть музыки, Долой музыку власти. Музыка – это эксплуататорские цепи».

Гармония, удерживавшая атомы вместе исчезла, связи между ними ослабевают, в эйфории они движутся все быстрее и хаотичней. Дело доходит до первой крови.

«Оркестр к террору! Смерть дирижеру!».

Музыканты становятся невменяемыми. Пожилым, становится страшно.

На дирижерский пункт водружается метроном, похожий на могильный обелиск:

«Вот новый дирижер. Да здравствует метроном! Метроном, метроном весело качается, музыкант теперь самоуправляется!»

Метроном – попытка заменить иррациональную власть, данную Богом, властью логической – от человека, божественный закон – рациональным механистическим человеческим. Но “свободные” атомы с легкостью преодолевают и этот новый барьер власти:

«К черту метроном, у музыки свой ритм! Мы установим его сами!

Кончилось время, когда нас заставляли играть враждебную нам музыку. Мы хотим создавать ее сами и управлять ею! Не хотим никого, кто бы управлял нами! Метроном тоже к черту!».

Слепые собираются вести слепых.

Оркестр расплывается на обезумевшие атомы. Начинается насилие. Даже самые смирные музыканты в отчаянии хватаются за оружие.

Неожиданно, под очередным страшным ударом храм дал трещину, его стены начали разрушаться. Дом, в котором жили музыканты, превратился в развалины из-за того, что исчез фундамент их совместной жизни – понимание первостепенной важности той тонкой ткани взаимных отношений и сотрудничества, гармонию которых обеспечивала власть дирижера, наделенного данным богом талантом.

Ловкими манипуляциями послушных слуг дьявол сместил дирижера и внушил атомам, что они являются венцом мироздания. Вместе с властью дирижера улетучился тот божественный клей, который цементировал их в единую сущность, оркестр атомизировался.

Диктатура

Музыкантам становится по настоящему страшно: «Все разваливается! Все рушится, рушится! На помощь помогите!» Но вокруг холодная, могучая и грозная стихия Вселенной, от которой невозможно защититься в одиночку. Для нее музыканты действительно всего лишь атомы.

Появились погибшие. Все оборачиваются и, не отрываясь, смотрят на дирижера как на единственный возможный источник спасения. Он тихо встает:

«Ноты спасут нас. Музыка спасет нас.

Ухватитесь за ноты, следуйте за нотами.

Мы музыканты, Вы музыканты, Мы здесь, чтобы попробовать еще раз».

Музыканты послушно строятся. Страшно быть ничтожным беззащитным атомом. Нужна была катастрофа, чтобы осознать, что только вместе они являются силой, способной защитить себя от стихии.

Оркестр начинает играть стоя, музыканты теснятся все ближе друг к другу и к своему спасителю без каких-либо усилий с его стороны.

Звучит яростное требование дирижера опять учиться исполнять музыку вместе: «Все растеряли в дурацкой болтовне!

Господа! Все сначала!». Музыканты ловят слова дирижера безропотно, не шелохнувшись. Теперь их не надо заставлять и подгонять.

Дирижер переходит на немецкий. Экспрессия, энергетика нарастают, речь становится похожей на бешеное Геббельса. Ее содержание понятно без перевода – требование беспрекословного подчинения. Диктатура, по напряжению равная фашистской, – ситуационная необходимость. Похороны либерализма состоялись.

Предупреждение

Фильм – предупреждение.

Самое страшное в либерализме – последовательное движение к катастрофе, нераспознаваемое большинством вплоть до момента разрушения тонкой ткани общественного организма, необратимый процесс, который невозможно повернуть вспять, пока он не дойдет до крайней точки.

Несбыточная мечта установить равенство там, где это принципиально невозможно, несет в себе разрушительный заряд колоссальной силы, всегда достигая цели, противоположной поставленной. Справедливость не в равенстве, а в том, чтобы каждый в меру сил и таланта исполнял свою партию в оркестре, ведомом дирижером. В этом, собственно, и заключается настоящее, а не выдуманное, равенство.

Никто не отменял императив сохранения совместными усилиями общественного организма, созданного Богом или Эволюцией, что, в общем-то, одно и то же, и его приоритет над жизнью человека-атома. Этот эволюционный императив – условие выживания такого неприспособленного биологического создания, как человек.

Либеральная инверсия ценностной шкалы в паре императив-личность, как следствие, поднимает служение золотому тельцу выше подчинения требованиям эволюционного императива, ускоряя неумолимое движение к катастрофе.

Диктатура, как естественный конец либерализма, в таком случае всего лишь необходимое лекарство, проявление инстинкта самосохранения.

Октябрь 2008г.

□